

два
рассказа*Айгуль
Талимакберова*

Неродная дочь

*В*ЛАДИМИР Викторович ждал обхода. Есть надежда, что сегодня выпишут. Унылые стены больничной палаты опостытели, и ещё больше надоел сосед Гриша. Весь день Гриша травил байки, а ночью, когда хотелось отдохнуть, храпел так, что казалось, в ординаторской дребезжат стеклянные двери.

Владимиру Викторовичу было почти шестьдесят, и попал он в больницу с обострением хронического гастрита. Лежал почти три недели, опровергая мнение, что врачи пытаются как можно скорее избавиться от больных, не долечив, а слегка подправив. Гриша был его вторым соседом, с первым тоже не

повезло – юным музыкантом, загремевшим на больничную койку с алкогольным отравлением. Он постоянно вис на телефоне, громко смеялся, прослушивая аудиосообщения, и ночами бегал курить с медсестричками.

Единственный человек, который ему нравился – лечащий врач Антон Сергеевич. Он делал своё дело на совесть, изучая анамнез чуть ли не под микроскопом. Но и это внимание надоело Владимиру Викторовичу – хотелось быстрее домой, в привычную жизнь, на работу...

Заслышав шаги у своей палаты, сел. Однако врач не спешил зайти – разговаривал по телефону. Владимир Викторович услышал конец разговора:

– Да, Дашка, ты права, конечно. Но меня так напрягает это. В общем, я подумаю над твоими словами. Татьяна классная, мне она безумно нравится, но ребёнок меня смущает. Да, нормальная девочка. А вдруг её отец объявится? А вдруг она нам палки вставляет в колёса будет, мешать. Как-как? – переразнил он невидимую собеседницу. – Откуда я знаю, как? Вы девочки, ещё те стервы-изобретательницы. Ну, ты скажешь тоже! Сама ты тормоз... Я просто ко всему подхожу основательно. Жениться так – раз и навсегда, а не то что некоторые... Всё молчу-молчу. – Он стал серьёзнее. – И вообще, меня пациент ждёт, пора обход заканчивать. Некогда мне, сестрёнка. Конец связи.

Его высокий, слегка сутулый профиль появился в дверном проёме. Убрав телефон в карман халата, открыл историю болезни.

– Доброе утро, Владимир Викторович. Как вы?

– Доброе, Антон Сергеевич. Я – хорошо, готовлюсь к выписке.

– Хм. А не рановато? – доктор улыбнулся. – Вот ваши анализы говорят, что полежать бы ещё денька два-три.

– Антон Сергеевич! – мужчина повёл руками по седым волосам. – Я за три дня от тоски тут помру, а не от гастрита!

– От тоски вам сосед не даст умереть, он вон какой у вас балагур. А с гастритом шутить не советую. Ложитесь, я вас осмотрю.

Владимир Викторович послушно лёг, задрал футболку. Врач пощупал живот, слегка надавил, покачал головой, сделал пометку в истории:

– Нет, Владимир Викторович, сегодня я вас не выпишу. В пятницу будете дома, а пока продолжаем.

Пенсионер, нахмурившись, сел на кровати.

– Что, дядя Володя, не выписали вас? – В палату, гремя ведром, зашла молодая санитарка.

– Нет, Катюша, оставил заведующий до пятницы, – вздохнул пенсионер.

– Не в духе сегодня Антон Сергеевич, никого почти не выписал. И медсёстрам досталось. Как будто все вокруг виноваты.

– В чём виноваты? – не понял Владимир Викторович.

– Так у него личные вопросы всякие, он решить их не может, а на других срысывается. – Санитарка принялась возюкать шваброй под кроватью соседа.

– Проблемы что ли? – не особо обротив внимание на её слова, спросил пенсионер.

– Дык вся больница гудит! – Катя была рада поделиться чужим секретом, и, не дав опомниться, продолжила. – Он с Никаноровой встречается, это из педиатрии врач, – пояснила она. – А у ней дочка от первого брака. И вот, говорят, у них дело к свадьбе идёт, а он из-за девчонки этой сомневается. Никанорова обижается сильно, а виду не подаёт, но все знают и ждуют, чё же будет: то ли она победит, то ли он сбегит, но тогда они вместе работать не смогут!

Катя торжествующе макнула швабру в ведро так, что брызги полетели.

– Катька, ты б лучше полы мыла, а не языком трепала, – нахмурился Владимир Викторович. – Тебе какое дело до них? Ты свою жизнь живи. И вон, под кроватью мусор оставила.

Разозлившись, он вскочил с кровати,

схватил олимпийку и вышел в коридор, хлопнув дверью. Катя пожала плечами и затолкала мусор подальше, чтобы не видно было – потом Галина выметет.

Как и обещал заведующий, в пятницу Владимира Викторовича выписали.

– Вы зайдите ко мне через полчаса, я рецепт вам выпишу. Историю болезни терапевту в поликлинику отправим, – сказал на утреннем обходе Антон Сергеевич.

Через сорок минут пенсионер зашёл в кабинет заведующего. Тот протянул ему рецепт:

– Вот, Харламов, держите. Отдельно написал, как принимать, не потеряйте. И не ждите до последнего, чуть что – обращайтесь. – И спросил: – За вами дочь заедет?

– Да, через полчаса заберёт, сказала. Антон Сергеевич, будет у вас время послушать меня?

– Хм. О чём?

– Не привыкший я в чужие дела лезть, но свербит рассказать. Может, пригодится моя история.

– Если недолго, Владимир Викторович.

Заведующий слегка приуныл: слушать не хотелось, но старика обижать тоже.

– Я не задержу, сказки сочинять не умею, – уверил Харламов. – Краем уха слышал о вашей истории с педиатром. Вы не думайте, я слухи не собираю. Но шутка ли почти месяц лежу, меня тут уж за своего держат, внимания не обращают и треплются.

Антон Сергеевич нахмурился, стал водить ручкой по пустому рецептурному бланку.

– Ну и?

– С советами лезть не буду. Историю свою расскажу, а вы уж сами решайте, как вам быть.

– Садитесь, Харламов, – устало вздохнул врач. – Слушаю.

– Мне было тридцать пять, когда я с Ириной познакомился. Поговорку знаете: хочешь жить умей вертеться. Вот я умел. Хорошо вертелся, и жил

хорошо. Для тех годов неплохо «упакован» был: видак, тачка, одевался неплохо. А Иринка – училка в школе, ей тяжело, денег вечно нет. Да ещё и дочь-пятилетку одна растила. Но как-то вот сошлись мы с ней. Нравилось мне, что не похожа она на моих прежних женщин – образованная, спокойная. От меня ничего не требовала, на жизнь не жаловалась. Как-то привык я к ней. Кто и где отец ребёнка, не спрашивал, но вёл себя высокомерно, что ли. Гордился тем, что деньгами им помогаю, говорил друзьям, мол, кому она нужна кроме меня, с ребёнком-то. Важничал, благодетелем себя считал. А отец мой на такие разговоры сказал однажды: «Это не ты её с ребёнком взял. Это тебя, одинокого, в семью приняли». Я тогда не понял, отмахнулся. Жениться не спешил, не хотел на свои плечи их заботы вешать. Ведь пока просто хожу к ней, могу деньгами помогать, а могу и не помогать. А жениться – это, считай, обязательство. И Ксюшка, дочь её, меня напрягала – девчонка хорошая, весёлая, но всё же не родная. Она ко мне тянулась, видимо, отцовской любви-то не хватало, а я сторонился. Как представлял себе, что до конца жизни мне её терпеть, так тоска меня накрывала, и я всё тянул с женитьбой. Ирина иной раз устраивала взбучки, но пошумит да угомонится. А я и бросить её не мог, и Ксюха меня останавливала. Ну не хотел я быть отцом чужого ребёнка!

А потом, в 1998 году, меня посадили: по пьяни подрался, разошёлся лишнего. Дали три года. Когда на суде приговор объявили, Ирина заплакала, а я подумал: «Ну, всё, не дождёшься ты меня. На кой я тебе нужен?»

Она бы и не дождалась, кабы не Ксюха. Начала мне она письма в тюрьму писать. Ей тогда уже восемь было, школьница. Все три года писала, представляете себе? Каждый месяц по два письма, а в каникулы и по три. Я этих писем ждал больше, чем от матери родной. Да что я, вся камера их ждала! Они такие чистые, наивные. Ни слова

вранья в них, всё как есть: и про дождь на дворе, и что кто-то за косичку дёрнул, и про случайную двойку. И каждое письмо заканчивала: «Дядя Володя, возвращайся, мы тебя ждём».

Однажды обмолвилась, что какой-то дядя картошку им копал, хотела, чтобы я порадовался за них, не переживал, что им тяжело. Я эти строки раз сто перечитал, кулаком стену бил. А потом успокоился: какое я право имел ревновать? Кто я ей? Не муж ведь, сам так выбрал!

Пообещал себе, что выйду и женюсь на ней. Не согласится, уговаривать, умолять буду. Сама она мне писала, тёплые письма, нежные. Но редко. Оно и понятно – некогда ей было. Времена тяжёлые, только о хлебе и думаешь. Вам не понять, вы тогда хоть и родились уже, но кормить семью, тянуть лямку не вам, родителям довелось. А вам только воспоминания. «Лихие 90-е», как модно сейчас говорить.

Так вот о чём я. Вышел на свободу уже в другом веке, в начале 2001 года. Ирина с Ксюшей встретили меня, дождались всё-таки. Ксюше, считай, одиннадцать, большая совсем. Ирине я предложил расписаться, но не давил: не всякая захочет за ээка замуж выходить. А она заплакала, говорит: «Я этих слов пять лет ждала». С ЗАГСом решили подождать, пока я на работу не устроюсь, чтобы было на какие деньги стол накрывать. А жить решили вместе, в её квартире. Я же сам с родителями так и жил до тех пор.

Начал я работу искать, вот тут-то опять чуть не сломался. Никому я оказался не нужен. К старым друзьям сам решил не возвращаться, знал, что зятанет обратно, а мне уже пятый десяток пошёл. На кой мне это? Но больше меня нигде и не ждали. Нормальным мужикам работы нет, а уж ээка кто возьмёт? Даже дворником отказали, всяких приезжих берут, а своих нет, сидел потому что. Два месяца я искал работу, в городе ни одного предприятия не осталось, где бы я не побывал. Одно и то же. И не выдер-

жал, напился. Я как вышел из тюрьмы, ни капли в рот не брал. А тут такая тоска навалилась.

Как до дома дошёл, не помню. Утром проснулся – никого, только сумка со шмотьем моим, а на ней записка «Уходи». Я и ушёл, куда деваться-то?

Две ночи в подвале ночевал, не пил, нет. Днём работу искал, умываться на вокзал ходил. Вечером недалеко от Ириного дома околачивался, чтобы встретить, объясниться. Её не увидел, а Ксюшку повстречал.

Бросилась она ко мне на шею, плачет. Взрослая стала, всё понимает. И меня ей жалко, и мать. «Мама второй день плачет, – говорит, – ночью, чтобы я не видела. Очень ты её, дядя Володя, обидел».

Сам знаю, что обидел, а как исправить?

Ксюша мне и предложила на даче у них пожить до лета, а там, может, мама отойдёт. Как ей эта мысль в голову пришла? Не знаю. Но если бы не дача, наверное, недолго в подвале я продержался б, Антон Сергеевич. Вернулся бы к друзьям своим, к родителям, пить начал бы.

А на даче домик запущенный, забор покосившийся, в саду работы много. Уже апрель на носу, скоро и сажать время настанет.

Дачный посёлок одна семья охраняла, жили там же. Я с ними поговорил, они меня дважды в день кормили, а я на подсобных у них был: дрова наколоть, за скотиной прибраться. Хозяйка раз в неделю одежду мне стирала. Хорошие люди были, сдружились мы.

На выходных попросил у хозяина инструменты и Иринкину дачу начал в порядок приводить. Николай мне ещё и материал ненужный подкинул.

На Первомай приехала Ирина на участок, а тут я, молотком стучу. Смотрит на меня, молчит, а глаза полны слёз. В общем, поплакали оба, поговорили. Решили ещё раз начать.

Если бы не Ксюша, то, может, и прогнала бы она меня. «Но, – говорит, –

и дня не проходит, что бы она тебя не вспоминала. Просит меня: прости его, мама, хороший он. Уж не знаю, чего она так прилипла к тебе».

А мне самому это чудно, родной она мне стала, столько тепла дала! Не знаю, дают ли родные столько. Как ангел-хранитель мой. Её вера меня и поддерживала. Я же все её письма сохранил. И когда тоска накатывала, перечитывал. И жить хотелось, чтобы не подвести, не обмануть девчонку.

Потом Ирина помогла мне на работу в школу устроиться, вначале подсобным, а через пару лет и завхозом. Зажили спокойно. Когда Ксюше пришло время паспорт получить, она спросила: «Дядь Володя, можно я отчество твоё возьму? Не хочу быть Андреевной, Владимировной хочу». Как мальчишка разревелся я тогда. Не дал Бог детей по крови, зато Ксюшу дал. Пропал бы я без неё, и в тюрьме, и потом не знаю, куда завела бы кривая.

В 2010-м Ирина умерла, проглядели пневмонию, за неделю сгорела. Остались мы с Ксюшкой одни, поддерживали друг друга, как могли, подбадривали.

И вот, Антон Сергеевич, нет у меня в этом мире никого, кроме Ксюши, всех похоронил. А как представляю, что я без неё делал бы, так выть от страха хочется.

Ксения замуж вышла несколько лет назад, и через полгода, дай бог, внук у меня будет. И, верите ли, нет ли, са-

мый счастливый я на свете. Денег, как в молодости, не зашибаю, бабы давно на меня не смотрят. Зато такое спокойствие на душе. И чувствую, что нужен я ей, у неё ведь тоже из родни только я остался.

Придёт порой ко мне, сидим вдвоём, грустим, поговорим немного, и легко становится. У них, молодых, ведь всяко бывает, я не лезу. Но не дай бог, кто обидит мою Ксюшу – убью.

И вот судите сами, родная она мне дочь или не родная да Богом данная. Прав был отец: не я Ирину с ребёнком взял, а меня одинокого в семью приняли.

Замолчали оба. Антон Сергеевич слушал внимательно, кусал губу, о чём-то думал. У Харламова зазвонил телефон:

– Иду, Ксения, иду. Ну, Антон Сергеевич, до свидания. Хороший вы человек, но, надеюсь, в этих стенах больше не встретимся.

– До свидания, Владимир Викторович. Выздоровливайте.

Пожал ему руку заведующий. Подошёл к окну, дождался, пока пенсионер покажется в дверях. Харламов вышел, а из машины навстречу тут же девушка выскочила, забрала у него сумку и закинула в багажник. Обнялись, над чем-то посмеялись и уехали.

– Алло, привет, Танюша. Как ты? Пообедаем вместе?